

**«ВЛАСТИТЕЛЬ СЛАБЫЙ И ЛУКАВЫЙ»: ОБРАЗ АЛЕКСАНДРА I
В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.**

Одним из актуальных направлений современной исторической науки является изучение исторической памяти: предметом исследования здесь становится не историческое событие или явление как таковое, а воспоминания о нем, образы прошлого, которые живут в сознании общества. Сфера внимания исследователей в таком случае охватывает в совокупности «обширную и все более расширяющуюся область, простирающуюся от историографии через исторические романы к изобразительному искусству, спектаклям и историческому музею» [18, р. 3–4]. Исследования образов прошлого позволяют наглядно, шаг за шагом проследить процесс превращения фактов реальности в факты исторической памяти – с учетом того, что формы интерпретации прошлого и смысловые акценты, которые ставятся в историческом повествовании, обычно определяются нормами и ценностями не «вспоминаемой», а «вспоминающей» культуры. Поэтому изучение исторической памяти помогает реконструировать ценностные системы и идентификационные структуры, свойственные общественному сознанию, а также выявить изменения этих структур.

Это направление открывает новые перспективы для изучения персональной, биографической истории. Исследователь тогда обращает внимание не только на свершения какого-либо исторического деятеля, но и на то, какой след он оставил в памяти общества; в какие моменты его образ становился актуальным, выходил на первый план общественного сознания; как изменения в трактовке этого образа сигнализировали о важных переменах в восприятии картины «общего прошлого».

В российской исторической культуре XIX–XX вв., безусловно, исключительное значение имели образы власти и народа; неразрывное единство и в то же время дуальную оппозицию этих категорий культуры многократно отмечали исследователи [1, с. 108; 16, с. 102–104, 288–289; 17, с. 280]. Образ власти в русской культуре всегда был персонализирован: в фокусе общественного интереса на протяжении XIX века оказывался то один, то другой правитель ушедших времен.

Так, исключительную роль в формировании исторической памяти российского общества играли образы Ивана Грозного и Петра Великого. Оба они олицетворяли в русской культуре сверхчеловеческое могущество неограниченной власти, воли самодержца, которой, казалось, под силу осуществить любое начинание, кардинально изменить уклад жизни подданных и сам облик страны. Поэтому серьезные изменения в трактовке образов грозных монархов, как правило, служили индикатором перемен в исторической и политической культуре российского общества, в его отношении к абсолютизму. При этом реконструирующая работа науки напрямую смыкалась с животворящей силой искусства; как писал К.Н. Бестужев-Рюмин, «действительные исторические лица, раз воспроизведенные поэтом, мы представляем себе более или менее так, как их представляет поэт» [2, с. 83].

С конца XIX в. и вплоть до революции 1917 года все большее внимание историков и деятелей культуры притягивал к себе образ императора Александра I. В историческом сознании образованной элиты этот образ занимал немаловажное место: ведь именно Александр I и его сподвижники – члены Негласного комитета и М.М. Сперанский – в начале XIX в. впервые предложили развернутые проекты либеральных преобразований, что позволяло проследить исторические параллели с реализованными полвека спустя Великими реформами Александра II или со столыпинской реформой. В то же время образ Александра I логично продолжил галерею актуальных для русской культуры образов «преступных царей»: Иван Грозный и Петр Великий были сыноубийцами, Александр I – отцеубийцей (хотя упоминать об убийстве Павла I в печати было запрещено, историки и публицисты с успехом прибегали к тактике красноречивых умолчаний).

Отношение к Александру I в российской исторической культуре рубежа XIX–XX вв. определялось известной фразой П.А. Вяземского: «сфинкс, не разгаданный до гроба». Прекраснодушный юноша, мечтавший отречься от престола ради частной жизни на лоне цветущей природы – и участник заговора против собственного отца; правитель, намеревавшийся отменить крепостное право – и учредивший военные поселения; приближавший к своему престолу то реформатора М.М. Сперанского, то солдафона А.А. Аракчеева; создавший университетскую систему в России – и преследовавший вольномыслие; отправивший в ссылку Пушкина – и не давший хода доносам на декабристов... Правление Александра I предъявляло исследователям целый комплекс вопросов и загадок – исторических, биографических и пси-

хологических, из сферы «большой политики» и области сокровенных мотивов человеческих поступков. Каким человеком был император Александр Павлович? Почему он не смог реализовать все то, что намеревался сделать в начале своего царствования: отменить крепостное право, даровать подданным гражданские права и представительное правление? Что было тому виной: человеческие качества Александра I, сопротивление его ближайшего окружения, трагическое стечение обстоятельств или более глубокие причины? Чем окончилось его правление: смертью в Таганроге или добровольным «уходом» от власти? Где пределы могущества самодержавной власти и под силу ли ей «изменять лик страны» по собственному желанию? Версии и гипотезы, высказанные профессиональными историками, транслировались в сферу художественной культуры.

В исторической науке и литературе рубежа XIX–XX вв. соперничало несколько трактовок образа Александра I (не считая официально-панегирической, представленной, например, в многотомном труде М.И. Богдановича) [3]. Так, А.Н. Пыпин воспринимал Александра как слабого, мягкого человека, который не сумел сохранить нравственные идеалы своей юности и постепенно «стал тем, чем сделало его все окружающее»: «Одушевленный в начале наилучшими намерениями, он не в состоянии был совладеть с обстоятельствами, которые увлекали его на иную дорогу; он не отказывался от своих планов, но ни в самом себе, ни в жизни не находил средств для их совершения и поддавался заблуждениям, которые приводили его к самому печальному употреблению своей власти, к поддержке действий, самых враждебных общему благу» [10, с. 2–3]. С этой точкой зрения был согласен и В.О. Ключевский, считавший Александра I человеком, исполненным «возвышенных и доброжелательных стремлений», но не сумевшим их воплотить из-за «непривычки к труду и борьбе». Трагедия Александра, по Пыпину и Ключевскому, состояла в расхождении либеральных идеалов, привитых ему в юности, и крепостнической среды, в которой русскому царю приходилось жить и действовать; Ключевский в своей характерной ироничной манере сравнивал Александра I то с «роскошным, но только тепличным цветком, не успевшим или не умевшим акклиматизироваться на русской почве», то с барышней-пансионеркой, внезапно столкнувшейся с грубостью реальной семейной жизни [5, с. 385].

Из сходной трактовки личности и характера Александра I исходил Н.К. Шильдер, создавший в начале XX века самую полную для того

времени и самую яркую в литературно-художественном отношении биографию императора. Для Шильдера Александр был человеком с «чувствительной душой», но с недостатком «твердой воли»; «беспрерывные колебания императора как во внутренней, так и во внешней политике» Шильдер считал искренними метаниями непоследовательного и неуверенного в себе человека (историк даже вычислил «периодичность воззрений императора»: согласно Шильдеру, для того, чтобы увлечься новой политической идеей, а потом охладеть к ней, Александру I требовалось около пяти лет). Решительным и непоколебимым император сумел стать лишь раз в жизни, «неожиданно для всех, к удивлению всего мира» – в 1812 году; но в результате «весь запас твердой воли Александра оказался потраченным на борьбу его с Наполеоном», и после войны государь, страдающий от «крайней усталости и душевного утомления», с облегчением вручил бразды правления Аракчееву [15, т. 2, с. 1–4].

При этом Шильдер дополнил образ своего героя важной психологической чертой – с точки зрения историка, мрачную печать на все правление Александра I наложила память о событиях 11 марта 1801 г. Именно сознание собственной виновности в гибели отца, по Шильдеру, в решающие исторические моменты сковывало волю Александра – чтобы действовать решительно, императору недоставало сознания моральной правоты [15, т. 2, с. 5–7]. Сквозь призму «комплекса вины» виделся образ Александра I и Д.С. Мережковскому – на страницах его романа «Александр I» (1913) император постоянно мучается от сознания собственной слабости, мрачных воспоминаний, усталости от власти, презрения к окружающим и к самому себе, но так и не находит в себе сил переломить ситуацию и сделать хотя бы один решительный политический шаг [6, с. 91–557, особ. 132–143]. Достойным личностным выходом для Александра I, с точки зрения Шильдера, могло бы стать добровольное отречение от власти; как известно, Шильдер в осторожной форме поддерживал легенду о «старце Федоре Кузьмиче», а Л.Н. Толстой в повести «Посмертные записки старца Федора Кузьмича» (1905) попытался вдохнуть в эту легенду мощь своего художественного и психологического дара [15, т. 4. с. 445–448; 13, с. 387–393].

Альтернативное видение образа Александра I – как сильного, умного, изворотливого и коварного политика, прекрасно осознававшего, чего именно он хочет добиться, и умевшего достигать свои цели, – представили С.М. Соловьев, А.А. Кизеветтер и великий князь

Николай Михайлович [11; 4; 7]. С точки зрения Кизеветтера и вел. кн. Николая Михайловича, противоречивость политики императора объяснялась его прирожденной двуличностью, умением менять маски и риторику в зависимости от обстоятельств и окружения; император с легкостью отступился от либеральных убеждений своей молодости, поскольку эти убеждения с самого начала были лишь одной из многих его масок [4, с. 265–268, 280, 349–350, 360; 7, с. 348–349; 8, с. 648, 657]. «Александр вовсе не обладал сердцем из мягкого воска, – писал Кизеветтер, – столь многими подчеркнутая “уступчивость” его характера – не более как психологический мираж... Он сознательно и с расчетом надевал на себя личину уступчивости как раз в тех случаях, когда он твердо и решительно ставил себе определенные цели и неотступно шел к ним, виртуозно вводя в заблуждение окружающих» [4, с. 268].

Но образу Александра как сильного политика не суждено было возобладать в российском историческом сознании. Как правило, историки и деятели искусства, обращавшиеся к эпохе Александра I, останавливали свое внимание на тех сюжетах, когда императору приходилось отступать, «сдавать позиции» – не только политические, но и нравственные – под давлением окружения. Согласие Александра I участвовать в перевороте 1801 г. обычно интерпретировали (с того момента, как этот исторический сюжет стало возможным обсуждать гласно) как свидетельство его инфантилизма. Историки доказывали, что Александр стал «убийцей поневоле», положившись на обещания заговорщиков сохранить жизнь Павлу I: «благодаря свойственной ему беспечности и не задумываясь глубоко о возможных последствиях, Александр, дав согласие, пребывал в состоянии полудремоты до окончания заговора... Описываемая полудремота в те дни глубокой драмы стоила Александру, с годами, ряда невыносимых мучений совести» [7, с. 9–10]. Отставка и ссылка Сперанского в начале 1812 г. трактовалась как сознательная и весьма сомнительная с моральной точки зрения уступка противникам реформ, «жертва для успокоения встревоженных умов», которую вырвали у Александра «заинтересованные слои общества» [15, т. 3, с. 31–35; 7, с. 104–105]. Именно поэтому император Александр I, несмотря на впечатляющие военные и внешнеполитические победы, одержанные в его царствование, зачастую воспринимался как откровенно слабый человек и правитель – по контрасту с демоническим образом Ивана Грозного или титаническим образом Петра I. Личностная слабость императо-

ра представляла как обратная сторона социальной силы дворянской элиты, консервативной, не желавшей перемен и способной похоронить в зародыше самые широкие замыслы. Важную роль в историческом сознании стал играть образ слабого, нерешительного монарха, что в канун двух русских революций было более чем актуально.

В начале XX в. впервые были обнаружены, расшифрованы и опубликованы сохранившиеся фрагменты десятой главы «Евгения Онегина»; с этого момента к Александру I намертво пристала пушкинская оценка – «властитель слабый и лукавый» [9, с. 349]. В литературе эта оценка переходила из поколения в поколение. «В нем слабы были нервы, но был он джентльмен» – таково было мнение об Александре I А.К. Толстого (его сатирическая поэма «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» была написана в 1868 г., а впервые опубликована – в 1883 г.) [12, с. 383, 644]; а в 1930-е гг. Марина Цветаева презрительно и хлестко назвала Александра «недостойным потомком – подонком – опенком Петра» [14, с. 276].

Образ нечеловечески могущественной самодержавной власти, которая управляет судьбами народов и может изменить облик целой страны, медленно, но неуклонно подвергался деконструкции, дискредитации: на смену ему приходило осознание, что диапазон реальных возможностей власти ограничен, что даже неограниченные монархи в действительности являются заложниками реальной политической ситуации и своекорыстных интересов социальных элит. На первый план в сознании российского образованного общества выходили иные, более современные стратегии коллективной идентичности, связанные с идеями национального государства, национальной культуры или же трудового народа как субъекта истории. Утрата веры в титаническую мощь самодержавия вела к обожествлению столь же титанической мощи народа-нации или народа-демоса.

Библиографический список

Источники

1. Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 2. М., 1994.
2. Бестужев-Рюмин К.Н. Несколько слов по поводу поэтических воспроизведений характера Иоанна Грозного // Заря. Т. 3 (1871). № 3.

3. Богданович М. История царствования Александра I и России в его время: в 6 т. СПб.: Типогр. Ф. Сущинского, 1869–1871.
4. Кизеветтер А.А. Император Александр I и Аракчеев // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М.: ИД «Территория будущего», 2006.
5. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3 кн. Кн. 3. М.: Мысль, 1993.
6. Мережковский Д. С. Александр Первый // Мережковский Д. С. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Изд-во «Правда», 1990.
7. Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования. 2-е изд. Пг.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1914.
8. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М.: Высш. шк., 1993.
9. Пушкин А.С. Соч.: в 3 т. Т. 2: Поэмы. Евгений Онегин. Драматические произведения. М.: Худ. лит., 1986.
10. Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I. Исторические очерки. Изд. 2-е. СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1885.
11. Соловьев С.М. Император Александр I. Политика. Дипломатия. СПб., 1877.
12. Толстой А.К. История государства Российского от Гостомысла до Тимашева // Толстой А.К. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Изд-во «Правда», 1969.
13. Толстой Л.Н. Посмертные записки старца Федора Кузьмича // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 11. М.: Изд-во «Правда», 1984.
14. Цветаева М.И. Стихи к Пушкину // Цветаева М.И. Соч. Т. 1: Стихотворения 1908–1941. Поэмы. Драматические произведения. М.: Худ. лит., 1988.
15. Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: в 4 т. СПб.: Изд-е А.С. Суворина, 1904–1905.

Литература

16. Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта. Т. 2: Теория и методология. Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
17. Сабурова Т.А. Русский интеллектуальный мир/миф (Социокультурные представления интеллигенции в России XIX столетия). Омск, 2005.
18. Bann Stephen. The Clothing of Clio: A Study of the Representation of History in Nineteenth-century Britain and France. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.